Научная статья
УДК 338
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-5-283-292

ЭВОЛЮЦИОНИЗМ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Петр Андреевич Пономарев[1]✉, Александр Владимирович Панычик[2]

[1]Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
[2]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
[1]ponomarev_p@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-5373-2174
[2]alexpgr@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2959-9358, AuthorID РИНЦ: 19048997

Аннотация. ***Цель исследования.*** *Данная статья ставит целью определить влияние принципа эволюционизма на развитие социально-философской мысли. Реальную проблему автор статьи видит в том, что принцип эволюционизма стал мультипликативным фактором, укоренившимся в философском направлении, но изменившим классические схемы анализа социальной статистики и социального провидения. Исследовательский интерес автора определяется принципом приложимости развития в современном обществе, которое на первый взгляд приобрело черты неопределенности и нелинейности. Однако аргументы квазиприродности общественных процессов дают возможность критически осмыслить социальную мысль, тем самым оставив развитие в качестве непрерывности времен и ориентации на лучшее будущее человечества.*

Методология исследования *определяется положениями субъективного понимания эволюционизма как идеи интеллектуальной мысли; диалектического подхода, рассматривающего эволюционизм как принцип развития; исторического подхода, поскольку анализируется возникшая изменяющаяся во времени социально-философская мысль; междисциплинарного подхода как метода распредмечивания эволюционизма на основе пропорций концептуальности и прикладного знания.*

Результат исследования. *Деструктивные процессы, идущие в современном мире, обусловлены отсутствием сценариев будущего, социальной диагностики, прогностики и отказом от принципа социального развития в целом. Однако происходящие в настоящее время социальные сдвиги позволяют утверждать, что принцип развития становится инструментом общественного иммунитета против манипулирования общественным сознанием и действительно угрожающих человечеству кризисных явлений.*

Перспектива исследования. *Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования эволюционизма в пространстве социально-философской мысли и его влияния на современное общество.*

Ключевые слова: *эволюционизм, развитие, социально-философская мысль, критическая рефлексия, современное общество, будущее, квазиприродность*

Для цитирования: *Пономарев П. А., Панычик А. В. Эволюционизм как фактор становления социально-философской мысли // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 5. С. 283–292. http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-283-292.*

© Пономарев П. А., Панычик А. В., 2022

Original article

EVOLUTIONISM AS A FACTOR IN THE FORMATION OF SOCIO-PHILOSOPHICAL THOUGHT

Pyotr A. Ponomarev[1]✉, Alexander V. Panychik[2]

[1]Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia
[2]Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia
[1]ponomarev_p@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-5373-2174
[2]alexpgr@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2959-9358, AuthorID RSCI: 19048997

Abstract. ***The purpose of the study****. This article aims to determine the influence of the principle of evolutionism on the development of socio-philosophical thought. The author sees the real problem in the fact that the principle of evolutionism has become a multiplicative factor rooted in the philosophical direction, but has changed the classical schemes of analysis of social statistics and social providence. The author's research interest is determined by the principle of the applicability of development in modern society, which at first glance has acquired features of uncertainty and nonlinearity. However, the arguments of quasi-heterogeneity of social processes make it possible to critically comprehend social thought, thereby leaving development as a continuity of time and orientation to a better future of humanity.*

The methodology of the research *is determined by the provisions of the subjective understanding of evolutionism as an idea of intellectual thought; the dialectical approach that considers evolutionism as a principle of development; the historical approach, since the socio-philosophical thought that has arisen, changing over time, is analyzed; the interdisciplinary approach as a method of distributing evolutionism based on the proportions of conceptuality and applied knowledge.*

Research result. *Destructive processes taking place in the modern world are caused by the absence of scenarios of the future, social diagnostics, prognostics and rejection of the principle of social development as a whole. However, the social shifts taking place at the present time allow us to assert that the principle of development is becoming an instrument of public immunity against manipulation of public consciousness and crisis phenomena that really threaten humanity.*

Research perspective. *The work opens up prospects for further research of evolutionism in the space of socio-philosophical thought and its impact on modern society.*

Keywords: *evolutionism, development, socio-philosophical thought, critical reflection, modern society, the future, quasi-naturalness*

For citation: *Ponomarev P.A., Panychik A.V. Evolutionism as a Factor in the Formation of Socio-Philosophical Thought // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(5): 283–292. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-283-292.*

Введение. Социально-философская мысль, как это парадоксально ни звучит, является относительно поздним творением человеческой мысли. Этот феномен можно объяснять поразному, но наиболее распространенным считается, что общество — наиболее сложный объект познания и самопознания, поскольку природа может восприниматься как нечеловеческое творение, а ее статус определяться волей Творца или саморазвивающейся системой. Но к общественной жизни подобные определения могут характеризоваться как субъективистские, поэтому в рамках заявленной темы необходимо отметить не столько пере-

ход к пониманию общества как социальной данности, сколько то, что в большей степени познавательная значимость приобрела анализ концепции социально-философской мысли, которая в перспективе должна осознавать известные проблемы теологизации и объективизации общества.

При приспосабливании идеи об обществе как системы с задачами нефилософского характера проявляется склонность онаучивать общество, что нашло свое отражение в известном позитивистском тренде, причем современное общество наделяется характеристиками неопределенности и нелинейности для непредвзятого исследования и встает вопрос о том, как воспринимать движение в осмыслении — в ситуативном или концептуальном контексте. По большому счету в рамках социально-философского анализа вполне обосновано стремление определить именно философское «бытие» общества, ее «природы», в то же время не сводя ее к законам по аналогу естественно-научных дисциплин. Рассуждая таким образом, мы находимся в не самом выгодном положении, когда придерживаемся системной догмы общества.

Придерживаясь подобной установки, не следует забывать, что современное общество рассматривается как бинарность объективного-субъективного, что находит свое отражение в деятельностной социально-философской концепции, в синтезе субъективного-объективного в социологической мысли [5]. Это вполне находит свое отражение в социальной практике, которую социальная философия регистрирует постфактум, чему есть свое объяснение. Это связано не только с тривиальной фразой «теория без практики мертва», но и с более глубоким объяснением, что вне базиса социальной практики социальная философия возвращается к формуле долженствования, становится запросом на социальную утопию.

Для российского общества, где доминирует прагматика и инструментализм, социально-философская мысль не представляет собой опоры для социального перфекционизма. В связи с этим обстоятельством для человека, имеющего веру в социальную миссию философского знания, ясно: одно практическое знание вне социально-философской теории напоминает «дом без фундамента», что критически не относится к формулам социальной философии. Очевидно, что период социального экспериментаторства и проектирования, если и обещает быть конструктивным, имеет обоснование в социально-философской теории, и для истории интеллектуальной мысли поучителен и научителен эволюционизм, вне которого нельзя представить развитие неклассической и постклассической философии, к которому критически мыслящая личность обращается в поиске переориентации, понимания новых социальных и социокультурных реальностей [6].

Методология исследования. Прошедшие два века прошли под знаком борьбы позитивизма, антипозитивизма и марксизма, который реально стал источником вдохновения и кризиса в интеллектуальной мысли и является синкритикой позитивизма, визионерства в изучении эволюционизма, несмотря на эмпирическую очевидность, которая нуждается в методологии «многозначности». Устанавливая рамки эволюционизма как учения о развитии, ставящего символом опровержения социально-статистических систем, социальной метафизики, можно встретиться с риском «верхоглядства» или «апологетики». Реально в истории становления социально-философского знания нельзя ограничиться тем, что теория эволюции определила отказ от абстрагирования и метафизики, что не менее значимым моментом является принятие эволюционизма в качестве аналога прогрессизма в радикальных и умеренных формах.

В согласии с эволюционизмом находились марксисты и антимарксисты (К. Маркс, О. Конт). Эволюционизм по существу является классикой европейского либерализма с верой в конкурентность, открытость, лучшее будущее. Определяя наследие эволюционизма и не забывая о сожалении, что современный мир является «черным ящиком», требуется обосновать методологию исследования, основываясь на принципе единства логического и исторического. В конечном счете важным является не механический перенос идей Ч. Дарвина на почву социальной-философии, поскольку в этом аргументе философия не сильно нуждается и дарвинизм является внешним, а не внутренним фактором развития социально-философской мысли.

Вероятно, эволюционизм имеет в социально-философском контексте иное звучание, а на роль эксперта Ч. Дарвин в сфере теоретико-методологического знания не претендовал по сравнению с популярными в XIX в. теорий естественного отбора и социал-дарвинистской схемы, поскольку эти направления мысли вполне выражали классовую теорию и негативно влияли на легитимацию колониализма, расизма и других форм неравенства и эксплуатации.

В таком смысле методология исследования, если реконструировать историю эволюционизма, базируется на субъективном «повороте», на обращении исследователя на понимание эволюционизма как идеи интеллектуальной мысли, абстрактной для наполнения различными концептуальными схемами. Сложно говорить о том, что эволюционизм есть только реликт интеллектуальной мысли, ставшей жертвой линейности собственной схемы. Характеризуя методологию исследования, можно констатировать, что эволюция рассматривается как объект науковедения и наукометрии. Что же касается собственно философских подходов, то здесь очевидна сила диалектического метода, которая с успехом может быть применена к марксистской теории и субъективной концепции К. Поппера, для которого интеллектуальная культурная история Европы ориентируется на принятии позиции внутренних факторов (духовного и религиозного опыта) традиции эмпиризма [1]. В том же контексте можно подтвердить наличие культурно-цивилизационной константы, рассматривающее эволюционизм как порождение евроцентристской традиции в отличие от догматических, не европейского пространства (буддизм, ислам). Также, обращаясь к эволюционизму в историческом контексте, можно говорить, что для российской социальной мысли эволюционизм как принцип развития определяется ориентацией на европейскую либеральную традицию, а в более широком контексте — на философские искания российских естественников и социологов. Такое «братство» объясняется тем, что в XIX в. Европа представлялась обителью свободы и прогресса, и в европейской мысли искали вдохновение не только «европеисты-западники», которые в согласии с европейской мыслью признавались и носителями общинного духа (социалисты-утописты, народовольцы). Это вполне объяснимое отрицание эволюционизма на почве триады «православие — самодержавие — народность».

Отмечаем, что задача исследования эволюционизма приходится и на современный период развития социально-философской мысли, и на то обстоятельство, что оно связано со сменой идейно-мировоззренческих координат постсоветского периода. Таким образом, есть смысл отметить, что существует влияние философии «серебряного века», интеллигенции 20-х гг. XX в. и рассмотрение эволюционизма в рамках синергетической теории. В целом можно говорить о том, что эволюционизм исторически легитимирован, поскольку существуют определённые трудности, связанные с логикой социально-философской мысли. Во-первых, эволюционизм как принцип развития содержит открытый посыл к рассмотрению фактов, событий, феноменов социальной-философии в процессуальном контексте в принятии саморазвитии и самоорганизации общества с признанием роли кризисов и спадов общественного развития, с защитой субъекта действующего. Но с другой стороны (это является вторым моментом) эволюционизм заставляет искать аргументы в прошлом или намекать на то, что современная социально-философская мысль является не способной к концептуальным образам, которые могут выразить дух и вектор развития современного общества, а обращение к приставке «пост» признает современное общество как незавершенный проект будущего или завершение современности.

Очевидно, что постмодернизм в этом смысле является чрезмерным универсальным концептом, который объясняет крушение традиции, исчезновение привычного мира и если не обоснование регресса как набирающей силы тенденции, то уход в сторону малых социальных форм. Принцип развития опровергается не обществом, а множеством обществ, есть не объективное знание, а множество интерпретаций, в том же духе развитие не только прерывисто и «зигзагообразно», не только может быть определено как схема диалектического отрицания.

Поэтому эвентуальность становится модной в силу того, что развитие есть «пазл»

уникальных не повторяющихся событий, поскольку если быть апологетом эволюционизма, то требуется провести между ним и развитием ясную концептуальную границу. Российские философы считают, что такого рода описания связывают с реконструкцией мыслительных форм, определяющих не только исторический и вполне актуальный смысл концепции развития, и переносят ее в сферу философской антропологии и культурфилософии [9]. В этом же ключе рассматривается форма взаимоопределения философских систем типа «Восток-Запад». Явным образом для отечественной социальной мысли требуется через осознание ограниченности дарвинизма диагностировать появление новых социальных сил мобилизации культурных ресурсов. При этом вполне допустима процедура компаративистики (сравнения), но в плане философского методологического анализа речь идет об аспектах общества, обеспечивающих воспроизводимость, устойчивость внутренне связанных общественных сил.

Определяя таким образом развитие в социально-философской мысли, можно говорить о неполноте интерпретаций, связанных с допущением множественности, контекстуальности, асимметричности как параметров развития в современном мире. Проблемным является описание микропроцессуальности и признание отсутствия различий между традицией структурализма и социального активизма. Обосновывая методологический выбор наиболее оптимальным, представляется обращение к междисциплинарному конструкту, полезному для социально-философской мысли в качестве способа распредмечивания современности на основе пропорций концептуальности и прикладного знания. Логика современного общества содержит обширный материал анализа, позволяющего увидеть смысл в структурах повседневности, в том, что развитие сосредотачивается в обыденном мире требующих осознания связей с социальным макроуровнем. Это развитие имеет, несомненно, кумулятивный эффект, когда через массу микроизменений определяется переход в качественное состояние общественной системы. Здесь научителен опыт «деградации социализма», который фиксировался в обуржуазивании советского опыта, перерождении элит, но не с целью дискредитации, а с потерей уверенности в том, что развитие как прогрессизм определяется целями идеального общества.

Содержание. Исходя из одобряемого методологического выбора, желательно подчеркнуть, что применение понятия развития требует достаточного понимания тонкостей ситуации, сложившейся с характеристикой современного общества или общества позднего модерна, в котором произошло замещение параметров общественной жизни во всех сферах (социальные классы, формы политики, профессионализма). Очевидно, что отказ от абсолютизма в методологии, требует как положительной, так и отрицательной оценки в осмыслении развития и специфики того варианта социального познания, который не отвлечен от социальной практики и проявляется в двух основаниях: во внутреннем контексте, который заключается в том, что социальная философия действенна если свидетельствует о неразрывности когнитивных схем соразмерности классической и неклассической социальной рациональности, и внешнем контексте, заключающемся в том, что принятые в социальной философии схемы должного и действительного отмечаются выходом субъекта познания из проблемной ситуации через принятие индивидуальности изучаемых процессов и явлений.

Ситуативная конкретность социального практического знания ориентирована на способы взаимной координации, типизации интерсубъективной интерпретации и уже на уровне не отрефлексированной идеализации предполагает то, что прошлое, настоящее и будущее являются параметрами социального времени, интерпретируются посредством призм культурных образов и коннотаций [2].

Ели обратиться к истории марксизма, в котором, как признавал Ф. Энгельс, развитие находит рациональное обоснование в прогрессе общества, в движении от первобытно-общинного коммунизма к коммунизму, последующие версии марксизма (критическое теория общества, неомарксизм) получают плодотворное развитие в теории гуманного социализма или, как пишут ее сторонники Бузгалин, Колганов, опыт XX в. и практические результаты научно-технического прогресса, как и стремление социальных

творцов осчастливить человечество, отмечают противоречивость такого актинизма [8]. Но для них это противоречивость, а не приемлемость, потому что жертвы технического и социального прогресса уравновешиваются множественностью социальных благ, роста творческой интенции социальных сил и, следовательно, заставляют говорить о принципе развития как наполненном парадоксальностью и двойственными смыслами: противоречием между желаемым и реальным, диссонансностью признания предопределенности будущего и неопределенности настоящего. Критический марксизм корреспондируется с признанием нелинейности общественного развития, сосуществованием поступательных деформ и реверсивных общественных процессов. В этом смысле показательна и теория современного либерализма, озабоченного тем, что неомарксист И. Валлерстайн назвал постепенным отступлением идеологии модерна, основанном на процессе десуверинизации, экстерриториальности, глобального неравенства [3].

Концепция справедливости, которая становится болезненной точкой для либерализма в контексте обвинений и подозрений в оправдании формы неравенства и эксплуатации, в реальности формулирует наиболее важную для современного общества проблему, связанную с тем, что либерализм стоит на принятой еще XIX в. позиции концепта развития как естественно-исторического процесса, сферы, находящейся вне морали [7]. В дискуссии с коммунитаристами, настаивающими на уходе от либерализма через введение социального императива и достижения золотого правила общественной жизни, либерализм откровенен в том, что есть постоянная попытка использовать либеральную концепцию ради защиты личной власти или оправдания некомпетентности. Но такие иллюзии не снимают вопроса в том, что либерализм является неоспариваемым наследием человеческого в сфере прав и свобод, в том, что развитие установило пределы данных ценностей и исторически развитие расширилось и углубилось за счет активности новых субъектов (экология, гендерное равенство).

Однако Ю. Хабермас определяет проблему общественного развития в качестве фактора влияния на социально-философскую мысль с позиции сужения европоцентризма и в итоге приходит к тому, что развитие не является возвращением к проекту просвещения и нуждается в эмпирически познаваемых формах взаимоотношений с миром о полезной деятельности и реальном порядке [12]. Это интересный факт подвержен с позиции субъективного поворота тому, что социальное мышление современности уже не управляется масштабными картинами мира и является инструментом репрезентации коммуникативного действия. Язык науки выступает де-факто образующей функцией встраивающих проблему координации факторов и социальных представлений.

Российское общество фиксируется по двум определениям. Во-первых, это прохождение точки невозврата к прошлому и гибридному состоянию, социальная парадоксальность. Эти исследовательские схемы в некоторой степени противоречивы, но и становятся взаимоопределяемыми в исследовании принципа развития. Тем самым социальная философия становится мыслью ориентирующей и предлагающей спектр выбора самоопределений. Однако есть и набирает силу попытка определения особой «стати» России, третьего пути, собственно культурного цивилизационного кода со ссылками на российскую историю, и в этой рациональности состоит рост чувства национальной гордости, отказа от отставания Российской Федерации как комплекса национальной неполноценности и абсолютизированного европоцентризма.

Необходимо отметить, что принцип развития как фактор становления социально-философской мысли требует уточнения того, что мы обязаны различать как социально-философскую мысль в России, которая представляет собой составную часть отечественной интеллектуальной традиции и другой концепции социальной-философии, представляющей синтез глобализационных процессов и национальных картин мира [10]. Если мы и обратимся к европоцентричной конверсии социального мира, то только для определения концептуальной инклюзии отечественной социальной философии. С другой стороны, есть запрос в формировании автономного дискурса, определяемого российскими социальными проблемами, тем, что общество

нуждается в сценарии будущего, социальной диагностики, прогностики, и наконец, принципа социального развития, находящегося под атакой различных версий, включающего как рациональное зерно критического осмысления, так и восходящих к картинам мира «турбулентности» [4].

Российская философ Б.Г. Федотова пишет о том, что жестокие научные проекты, пренебрегающие культурой, наукой, не могут справиться с миром, где есть квазиприродность и субъектность, поскольку дело философа — разоблачать очевидности [11]. Относясь с пониманием к позиции автора, к тому, что современная эпоха называется постметафизической, есть резон определиться с тем, что развитие имеет онтологический сущностный фундамент, что для человеческой общности с развитием ассоциируется настроенность на объективные факторы, позволяющие судить о реально переживаемом обществом периоде. Общество действительно квазиприродное, и развитие строится на свойственных только обществу факторах. Сейчас обязательным стало обращение к природе, политике ее сбережения, но натурализация общественных отношений не является убедительной, если не держаться за признанное в классической философии понимание развития как меры осознания субъектности, его способности быть ответственным за реальное, возможное социальное состояние. Сегодняшнее общество в социальных практиках отказалось от долгосрочного планирования, следовательно, деактуализируются проблемы общественного развития. Но в том и состоит способность общества преодолевать кризисы, что утверждаются стратегические цели, и в этом контексте принцип развития не отменяется. Серьезные социальные сдвиги, как в России, так и за ее пределами, вынуждают говорить о том, что развитие может стать инструментом общественного иммунитета против манипулирования сознания утверждением квазиприродности общества как независящего от человека. В этом сказывается позитивность принципа развития не только борьбы за образ России, но и внутренней мобилизации людей в контексте действительно угрожающих стране кризисных явлений.

Заключение. Перед подведением итогов статьи следует отметить, что трудно разделить концептуальный и социально-прикладные аспекты принципа развития на социально-философскую мысль, что в качестве обобщающего вывода сложно говорить о том, что социально-философская мысль, выйдя из состояния детерминизма и жестких схем, не стала сферой категориального «произвола». Следовательно, принцип эволюционизма (развития) обретает новые нюансы и акценты в переходе общественной жизни в новое качественное состояние. Из этого следует: во-первых, мы должны освободиться от квазиприродности социальных процессов и не принимать на веру энтропийность и спонтанность, для этого критическая рефлексия продуктивна, если рассматривает альтернативы общественного развития, включает обозрение перспектив и барьеров на пути благоприятного сценария.

В то же время, когда мы говорим об интерпретации эволюции как множественности развития и видим в развитии для социальной философии возможность не соглашаться с теориями конца истории, есть сложность в согласовании целей развития через баланс общества прав и общества ответственности, а раз так, то еще рано говорить о завершенности российского общества. Этим мы не устраняем сферу общественных устремлений, субъектности в развитии и приобретаем в результате аналитической работы сознание сферы свободы и сферы необходимости.

Без такого ориентира трудно показать достоверность различий между развитием и феноменализмом в социальной философии. В социально-философском дискурсе реализуется принцип упразднения социальной суверенности и подтверждается объективность критической рефлексии, подвергающейся декартовскому сомнению. Мысль о конце социальной философии как знании, свергнутом во благо социологии, — мнимая очевидность, поскольку опровергается тем, что принцип развития становится мобилизующим в контексте осознания нами новой социальной реальности последнего времени. К тому же социальная философия должна отвечать условию адресатности, обращенности к реальному социальному состоянию, и только в этом случае аргументация не те-

ряет силу. Проявляется интерес проследить сдвиг философской мысли к сфере социальных микроизменений, а не тектонических сдвигов, свойственных глобалистике. Так или иначе мы погружаемся в обыденный мир, где реальная цель состоит в выработке дискурса взаимопонимания и выхода из проблемы публичной глухоты, сложившейся под влиянием абсолютизированных установок на развитие как результат социальной селекции, критическая рефлексия как инструмент экспертного суждения, особенно при обсуждении проблем общественной значимости. Задача состоит в том, чтобы расширить поле социальной философии на фоне концептуального сопоставления моделей социального мира.

Список источников

1. Волков Ю.Г. Российская реальность в пространстве социологического дискурса: монография. В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. Ростов н/Д; Таганрог: Издательство ЮФУ, 2018. 278 с.

2. Ильин В.В. Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания. М.: Академический проспект; Гаудеамус, 2014. 204 с.

3. Интеллектуальный колониализм на глобальном образовательном рынке: монография / Под ред. С.А. Шароновой, Н.В. Трубниковой. М.: РУДН, 2017. 229 с.

4. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М.: Республика, 1998. 368 с.

5. Проблемы теоретической социологии: межвуз. сборник. Вып. 11 / Отв. ред. А.О. Боронев. СПб.: Астерион, 2016. 256 с.

6. Смит Р. История гуманитарных наук / Пер. с англ. Д.М. Носова. М.: Изд. дом ГУВШЭ, 2008. 392 с.

7. Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. 248 с.

8. Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культурная революция, 2009. 720 с.

9. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. 712 с.

10. Тернер Ф.М. Европейская интеллектуальная истории от Руссо до Ницше / Под ред. Р. Лофтхауса. М.: Кучково поле, 2016. 384 с.

11. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.

12. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.

References

1. Volkov Ju. G. Rossijskaja real'nost' v prostranstve sociologicheskogo diskursa: monografija. V 2 kn. Kn. 1 [Russian reality in the space of sociological discourse: monograph. In 2 books. Book 1]. Otv. red. Zh. T. Toshhenko [In Zh. T. Toshchenko (eds.)]. Rostov-on-Don; Taganrog: Izdatel'stvo JuFU, 2018. 278 p. (In Russ.).

2. Il'in V.V. Teorija poznanija. Social'naja jepistemologija. Sociologija znanija [Theory of cognition. Social epistemology. Sociology of Knowledge]. Moscow: Akademicheskij prospekt; Gaudeamus, 2014. 204 p. (In Russ.).

3. Intellektual'nyj kolonializm na global'nom obrazovatel'nom rynke: monografija [Intellectual colonialism in the global educational market: monograph]. Pod red. S.A. Sharonovoj, N.V. Trubnikovoj [In S.A. Sharonova, N.V. Trubnikova (eds.)]. Moscow: RUDN, 2017. 229 p. (In Russ.).

4. Kozlovski P. Obshhestvo i gosudarstvo: neizbezhnyj dualizm [Society and the state: inevitable dualism]. Moscow: Respublika, 1998. 368 p. (In Russ.).

5. Problemy teoreticheskoj sociologii: mezhvuz. sbornik. Vyp. 11 [Problems of theoretical sociology: interuniversity collection. Issue 11]. Otv. red. A.O. Boronev [In A.O. Boronev (eds.)]. Saint Petersburg: Asterion, 2016. 256 p. (In Russ.).

6. Smit R. Istorija gumanitarnyh nauk [History of the Humanities]. Per. s angl. D.M. Nosova. Moscow: Izd. dom GUVShJe, 2008. 392 p. (In Russ.).

7. Sovremennyj liberalizm: Rolz, Berlin, Dvorkin, Kimlika, Sjendel, Tejlor, Uoldron [Modern liberalism: Rolls, Berlin, Dvorkin, Kimlika, Sandel, Taylor, Waldron]. Per. s angl. L.B. Makeevoj. Moscow: Dom intellektual'noj knigi, Progress-Tradicija, 1998. 248 p. (In Russ.).

8. Socializm-21. 14 tekstov postsovetskoj shkoly kriticheskogo marksizma [Socialism-21. 14 texts of the post-Soviet school of critical Marxism]. Moscow: Kul'turnaja revoljucija, 2009. 720 p. (In Russ.).

9. Social'naja jepistemologija: idei, metody, programmy [Social epistemology: ideas, methods, programs]. Pod red. I.T. Kasavina [In I.T. Kasavin (eds.)]. Moscow: Kanon+; ROOI «Reabilitacija», 2010. 712 p. (In Russ.).

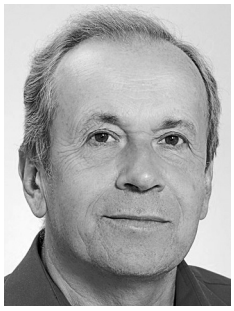
10. Terner F.M. Evropejskaja intellektual'naja istorii ot Russo do Nicshe [European intellectual history from Rousseau to Nietzsche]. Pod red. R. Lofthausa [In R. Lofthouse (eds.)]. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 384 p. (In Russ.).

11. Fedotova V.G. Horoshee obshhestvo [Good society]. Moscow: Progress-Tradicija, 2005. 544 p. (In Russ.).

12. Habermas Ju. Filosofskij diskurs o moderne [Philosophical discourse on modernity]. Per. s nem. Moscow: Ves' Mir, 2003. 416 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 18.09.2022; одобрена после рецензирования 02.10.2022; принята к публикации 11.10.2022.
The article was submitted on 18.09.2022; approved after reviewing on 02.10.2022; accepted for publication on 11.10.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

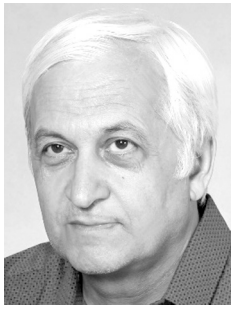


Пономарев Петр Андреевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Донского государственного технического университета.

Россия, г. Новошахтинск, ул. Куйбышева, 20

Pyotr A. Ponomarev — Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Don State Technical University.

20 Kuibysheva st., Novoshakhtinsk, Russia



Панычик Александр Владимирович — философ, доцент кафедры «Философия и культурология», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). Стаж работы в научно-исследовательской сфере — 20 лет. Сфера научных интересов: философия религии и философские проблемы эзотеризма.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Alexander V. Panychik — Philosopher, Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Rostov State University of Economics (RSUE). Work experience in the research field is 20 years. Research interests: philosophy of religion, philosophical problems of esotericism.

69 B. Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:
Пономарев П. А. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.
Панычик А. В. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:
Ponomarev P.A. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.
Panychik A. V. — follow-on version of the text; final conclusions.